

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Макс Мах

КОНДОТЪЕР

Москва

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

М17

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 115

Оформление обложки АК

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Мах, Макс

М17 Кондотьер : роман / Макс Мах. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-102335-5

Он кондотьер — сиречь наемник. Полковник Хорн или Генрих Шершнеф, или, может быть, кто-нибудь еще. Таинственный человек, приехавший из Европы в Петроград осенью 1965 года. Зачем, к кому, по какому делу? Много вопросов, но мало ответов, да и те, что есть, то ли правдивы, то ли — нет.

Она — террористка по кличке Черт. Представляется Натальей Викторовной Цельге, но та ли она женщина, за которую себя выдает?

Они встретятся осенней ночью под холодным дождем в Северной Коломне, на Тюремном мосту, переброшенном через Крюков канал. С этого, собственно, и начинается наша история, в которой будет все: любовь и ненависть, предательство и смерть, заговор, переворот, война...

Итак, экспозиция: ночь, осень, Петроград, Российская империя. Занавес поднимается.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Макс Мах, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-102335-5

Глава 1

ЧУЖОЙ В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Петроград встретил Генриха мелким холодным дождем, то и дело переходившим в снег. Было пасмурно, знобко, и время от времени задувал порывами ледяной ветер с залива. Ничего другого, впрочем, Генрих и не ожидал.

«Петроград!» — Он спустился по мокрым железным ступенькам на перрон и огляделся в поисках встречавших. Народу на платформе, защищенной от дождя и снега застекленной аркой крыши, оказалось гораздо больше, чем предполагало место и время.

«Содом и Гоморра... Хотя по нынешним временам, не так уж и плохо. Если не злобствовать. Но кто же мне судья?»

— Иван Иванович! — Паренек, ловко протершийся к Генриху сквозь толпу, выглядел, как гимназист старших классов или студент на вакациях, но, скорее всего, был служилым.

«Прапорщик или корнет».

Одним словом, офицер.

— Здравствуй, Дима! — кивнул Генрих «со значением». — Возмужал, вырос! Я бы тебя, пожалуй, теперь и не узнал!

— Так ведь сколько лет!

— И то правда! — согласился Генрих. — Ну, что, пойдем, что ли, или мы еще кого ждем?

— Нет, что вы! Что вы! Непременно, пойдём! Давайте мне ваш саквояж, Иван Иванович, и пойдёмте!

«Конспираторы хреновы! Оперетка!»

— Ну, пойдём! — Генрих бросил взгляд на часы в витраже фасада — дело шло к полудню, а казалось вечер, — выдохнул туманное облачко в пахнущий дымом и железом воздух и пошел вперед, увлекая за собой «Диму», которому так и не отдал свою невеликую ручную кладь.

— Транспорт имеешь? — спросил Генрих, когда, пройдя через здание вокзала, вышли на набережную Обводного канала.

— Извозчика возьмем.

— Как скажешь, — пожал плечами Генрих и, шагнув к обрезу тротуара, остановил резкой отмашкой блекло-серый «сааб», украшенный извозчицкой подковой.

— Езжай, дядя, на Измайловский проспект, я тебе там укажу... — «Дима» сел рядом с извозчиком и кивнул вперед, за лобовое стекло, где дождь окончательно превратился в снегопад.

— Наше дело служивое, — «равнодушно» забубнил в ответ немолодой, но крепкого сложения извозчик. — Нам чево-с? Как прикажете, так и сделаем.

«Клоуны... И куда все подевалось?» — Но два поворота и семь пограничных войн вгоняли в гроб и не такие цветущие империи. За примерами далеко ходить не приходилось. Все тут, под рукой.

Он бросил взгляд на фасад здания и непроизвольно отметил, что Ревельский вокзал действительно напоминает Восточный вокзал в Париже. Не копия, но да — сходство имеется.

— Я закурю? — На самом деле вопрос особого смысла не имел, Генрих достал уже пачку египетских сигарет и даже успел вытряхнуть одну из них себе прямо в губы.

Всего лишь фигура вежливости, но, как говорится, привычка — вторая натура.

— Дымите, если приспичило, — извозчик переигрывал. В салоне «сааба» явственно пахло табаком, и получалось — или автомобиль напрокат взяли, или легенду на коленке сверстывали.

Генрих в подробности вдаваться не стал и молча закурил. Табак отдавал восточными пряностями и имел сладковатый запах, не слишком гармонируя с сумрачным величием Северной Пальмиры. Турецкие папиросы представлялись куда уместней, но их в Кенигсберге не оказалось. Пришлось довольствоваться тем, что есть.

Ехали медленно — из-за непогоды тут и там возникали пробки, все-таки Петроград большой город с оживленным движением, особенно в центре. Свою лепту вносили, разумеется, и длинные, погромыхивающие на стыках трамваи, и огромные, как грузовые барки, двухэтажные автобусы. Так что до Измайловского проспекта добирались добрых полчаса. Ногами и то быстрее вышло бы.

— Город знаете? — тихо спросил «Дима», когда выгрузившись из «сааба», они свернули в подворотню проходного двора.

— Сориентируюсь, — Генриху не нравилось излишнее любопытство «корнета».

«Или все-таки прапорщик?»

— Ну, тогда идите к Польскому саду и через него в Тарасов проезд... — «Дима» остановился и протянул Генриху ключ со сложно вырезанной бородкой. — Дом сто шестнадцать Аз. Второй этаж, дверь обита черным дерматином. Остальное, как договаривались. Отдыхайте, присматривайтесь. С вами свяжутся. — И, не поклонившись, пошел обратно к Измайловскому проспекту.

«Еще и хам, — решил Генрих, шагая через анфиладу проходных дворов в противоположную сторону. — Но

оно и к лучшему. Он просто не знает, кто я такой и зачем прибыл в Петроград».

Через десять минут он стоял перед дверью, и вправду обитой черным потрескавшимся дерматином. Подъезд и лестница, и «вообще» несли следы былой роскоши: поотбитый кое-где мрамор, дубовые — с облезшим тут и там лаком — перила, потемневшая лепнина бордюров.

«Н-да, не отель «Риц»... — Генрих отпер дверь и вошел в квартиру, — но и не трущобы».

Темноватый коридор, широко открытая двустворчатая дверь в гостиную, откуда просачивался слабый серовато-грязный дневной свет, спальня, кабинет, кухня, туалет и ванная комната. Солидная обстановка — в гостиной и кабинете из красного дерева, в спальне из карельской березы, — бухарские ковры, бронза, голландский кафель, метлахская плитка, дубовый паркет...

«Недурственно», — в холодильнике нашлась еда, немного, но на первый случай хватит. В высоком резном буфете — несколько случайным образом подобранных бутылок и ключ от сейфа, скрытого, как и следовало ожидать, за морским пейзажем в стиле адмирала Айвазовского.

«Ну, не Айвазовский же, в самом деле?»

Скорее всего, просто мастеровитый художник-маринист, но Генриха, в первую очередь, интересовало содержимое сейфа. «Прапорщик» сказал *«как договаривались»*, однако две недели назад в Каире этот пункт в подробностях не обговаривался. Генрих лишь бросил «горсть вшей» и теперь любопытствовал, насколько «чесалось» у тех, кто пригласил его в Петроград. Проверка на вшивость, так сказать. Мелкая, как пакость, придуманная блондинкой, но именно такие мелочи, как показывает опыт, решают в отношениях многое, если не все.

За толстой, но не слишком надежной стальной дверцей лежали девятимиллиметровый «вальтер Эйч Пи»

и тяжелый «стечкин», запасные магазины, портупей, конверт с десятью ассигнациями государственного казначейства номиналом в тысячу рублей каждая и еще один конверт побольше — с паспортом, шоферским удостоверением, двумя отдельными разрешениями на ношение оружия, щедро выписанными на «подателя сего», и десятью сотенными купюрами.

«Что ж, слушать они умеют, посмотрим теперь, как они разговаривают на своем поле».

Проголодаться Генрих, завтракавший еще в поезде, не успел, пить было рано, и особых дел, намеченных к немедленному исполнению, пока не предвиделось. Он поменял паспорт, наполнил походную фляжку многообещающе пахнущим шустовским коньяком и, подавив острое желание взять из сейфа один из пистолетов, вышел на улицу.

Как ни странно, снег перестал, не было и дождя. Правда, заметно похолодало, но демисезонное пальто, приобретенное в Берлине, грело не хуже шинели, хотя и не лучше.

«Что ж, бывало и хуже!» — Генрих натянул перчатки, поправил шляпу, чуть надвинув ее на лоб, и пошел по направлению к набережной. Что сказать, за прошедшие годы город почти не изменился, разве что постарел, поблек несколько, но это могло быть и аберрацией памяти. Мало ли что он запомнил! На самом деле, все могло тогда выглядеть иначе: или так же, как сейчас, или даже хуже. Слишком много прошло времени, слишком много утекло воды.

«Целая жизнь прошла, если подумать...» — Генрих вышел к Фонтанке и остановился в некоторой растерянности, соображая, как лучше пройти на Невский. Получалось, что город он помнит лишь «в целом», без подробностей. Но, возможно, не все еще потеряно, и он все-таки вспомнит, особенно, если погуляет по этим

улицам пешком, вспоминая Петроград не только глазами, но и ногами.

В результате Генрих свернул налево, перешел реку по мосту Витовта Великого, увидев справа вдалеке роскошный речной фасад Казареевского подворья, и пошел по Вознесенскому проспекту в сторону Исаакиевской площади. Он никуда не спешил, но шел быстрым шагом, просто, чтобы не замерзнуть. Однако вскоре дали о себе знать последствия последней контузии, и он вынужден был сменить модус операнди*, включив в свой «стремительный рейд» по местам бывлой славы частые, но необременительные «биваки»: тут чашка чая с горячим бубликом, там рюмка коньяка с сигареткой или кофе с пахлавой в турецкой кофейне. Нашлась даже стопка водки под соленый огурчик в рюмочной на углу Вознесенского и Беловежской улицы. И все-таки ближе к вечеру Генрих добрался до Исаакиевской площади, посмотрел на знакомую с детства громаду собора, закурил, обошел, не торопясь, храм вокруг, бросив по пути взгляд на монумент нелюбимому императору, и решил, что на сегодня достаточно.

«В самом деле, не все сразу», — он пообедал в ресторане гостиницы «Англетер», то и дело бросая взгляд сквозь высокое окно на бронзового Михаила, и, дав отдох ногам, решил, что возвращение в родной город следует отметить как-то по-особому. Напиться, скажем, до безобразия или пойти в театр.

Желания пить, однако, не обнаружилось, тем более, не хотелось ни с кем «махаться», что и является обычно кульминацией пьянки. Оставались владения Мельпомены, но и за этим дело не стало. В фойе гостиницы Генрих купил билет в музыкальный театр на Английской набережной близ Благовещенского моста,

* Модус операнди — образ действия (*лат.*).

но туда уже добирался на извозчике, решив пощадить занывшую к вечеру и непогоде левую ногу, которой, по правде говоря, никогда особенно не везло.

Выбор оказался безупречным: в театре давали «Прекрасную Елену» Оффенбаха. Парижская музыка была легка и иронична, юмор переведенных на русский язык реприз непритязателен, а голоса певцов просто великолепны. Особенно понравилось Генриху сопрано жены царя Менелая Елены, да и сама актриса, что называется, выглядела «на ять». Не хуже, если честно, был и тенор, певший партию Париса, но мужские голоса лежали вне зоны интересов Генриха, во всяком случае, в том, что касалось музыки.

* * *

Выйдя из театра, он неожиданно ощутил потребность прогуляться. Не ехать в Тарасов проезд, чтобы выпить стакан водки и забыться на три-четыре часа мутным сном, а снова пойти куда-нибудь пешком, в Северную Коломну, например, через Новую Голландию или еще куда. Вечерний моцион, так сказать.

«Ночной променада... Почему бы и нет?»

Он поднял воротник, закурил папиросу — в театральном буфете нашлись-таки хаджибейские, то есть, попросту говоря, турецкие папиросы, — и пошел переулком к Конногвардейскому бульвару, потом через площадь перед дворцом великого князя Бориса, к Казачьему стану, к Новой Голландии и Коломне, но не дошел. За Крюковым каналом — Генрих едва перешел через Тюремный мост — его окликнули.

— Генрих! — позвал хрипловатый женский голос.

Он обернулся. На мосту стояла женщина. Темный силуэт в длиннополом приталенном пальто. На голове вязаная шапочка. В руках... Ну, что там было в руках

у этой суки, Генрих не разобрал — освещение подвело, но явно какой-то короткоствол.

— Полковник Генрих Кейн, Ревтрибуналом Центрального округа вы приговорены к смертной казни через расстреляние! — сказано четко, быстро, но без спешки и истерики.

«Хладнокровная дамочка», — успел он подумать, и в этот момент женщина выстрелила.

Выстрел. Вспышка. Пуля ударила в грудь, и Генрих сделал шаг назад, отступая перед неодолимой силой...

Он отступился, еще не чувствуя боли, и умер раньше, чем смог ее ощутить. Это был на редкость точный выстрел, хотя и расстояние, по правде сказать, ерундовое. Пятнадцать метров, и крепкая уверенная рука. Вернее, две, потому что женщина стреляла, удерживая пистолет двумя руками. Восьмиграммовая пуля, выпущенная из «люгера» номер восемь, пробила грудь Генриха навывлет, разорвав по пути сердце и задев позвоночник. Впрочем, последнее было уже несущественно, учитывая «сердечную рану», несовместимую с жизнью.

Неожиданным образом Генрих видел все это как бы со стороны. Видел себя, делающего рефлекторный шаг назад, женщину — темный силуэт на мосту, пустынную набережную, безлюдный переулочок...

«Что ж, вот как это происходит...»

Выстрел. Вспышка. Пуля ударила в грудь, и Генрих сделал шаг назад, отступая перед неодолимой силой...

«Сука!»

Боль пронзила грудь, и ему пришлось отступить еще на шаг, чтобы сохранить равновесие.

«Вот же, сука!» — ощущение такое, что в сердце ударили кузнечным молотом, выбив заодно и дух, так что «ни дыхнуть, ни пернуть».

«Ох!» — его качнуло, но на этот раз он устоял.

«Контрольный в голову, или как?» — пауза затягивалась. Женщина по-прежнему стояла на мосту, подсвеченная сзади и спереди желтым светом фонарей. Руки вскинуты, оружие направлено Генриху в грудь, и кажется, что он видит дымок, курящийся над стволом пистолета, и чувствует запах сгоревшего пороха.

Тишина, покой полного безветрия, безлюдная улица и двое на ней: мужчина и женщина — все намекает на мелодраму, в крайнем случае, на драму. Но жертва и убийца — настоящая трагедия.

Генрих смотрел на женщину, силясь вздохнуть и «оценить ущерб», потом рефлекторно поднял руку к груди. Туда, куда ударила пуля. Провел пальцами в коже по шероховатой ткани в «елочку».

«Шутка случая... Ну, надо же! Однако отчего она не стреляет?»

* * *

Пауза затягивалась. Проклятый Кейн стоял как вкопанный и ощупывал грудь. Под затянутой в перчаточную кожу рукой ткань пальто быстро намокала, и темное пятно растекалось книзу.

«Отчего он не падает?»

Но на самом деле, главный вопрос формулировался иначе — отчего она не стреляет? Натали словно бы очутилась во сне. В тягостном медленном бреду, когда все понимаешь, но ничего не можешь с этим поделать. Стояла в верхней точке подъема моста, ощущая под ногами неровности булыжной мостовой, дышала холодным ночным воздухом, вдыхая мороз и выдыхая пар, смотрела на полковника Кейна, на его освещенное светом фонаря лицо, и не стреляла.

— Контрольный в голову, или как? — натужно прохрипел мужчина. По-русски он говорил чисто, как если бы не был бельгийцем, а природным русаком.

— Вы... Почему вы не падаете? — она слышала в своем, враз просевшем на октаву или две голосе истерические нотки, но, как и водится во сне, была бессильна что-нибудь изменить.

— А должен? — Дыхание, судя по всему, давалось Кейну с трудом, речь — лишь героическим усилием.

— У вас все пальто в крови...

— В самом деле?

Где-то за домами раздался свисток городского. В переулке за спиной застучали о бульжник подковки сапог.

— Выбросьте! — предложил, поморщившись, Кейн. — Живее! Замордуют...

Как ни странно, она его поняла. И, разумеется, Кейн был прав. Даже в лучшие времена, как рассказывали ветераны, с террористами не церемонились. Заломить руки — пусть и даме из общества, бросить лицом на камни мостовой, пройти для острастки сапогами по ребрам — все это цветочки по сравнению с тем, что творилось теперь, после Славной Революции. По нынешним временам, если взяли на горячем, тем более с дымящимся стволом в руках, измордуют так, что враз потеряешь вместе с человеческим обликом все свои принципы, и достоинство тоже. О том, что изнасилуют между делом и не раз, даже упоминать не стоит.

— Ну! — перхнул мужчина, начиная крениться набок. — Вы как? И... Помогите мне, черт вас дер!

Совет показался разумным и уместным, словно бы это и не она стреляла только что в Генриха Кейна, известного половине Европы как Эль Карницера.

«Мясник...» — Натали выбросила «люгер» в канал и успела добраться до полковника раньше, чем набежали городские с соседних улиц и жандармы от Литовского замка.

— Обопритесь на меня, — предложила она, подхватывая его слева. — Что это?

Запах был недвусмысленный, но поверить в такой абсурд она не могла.

— Вы видели, кто в меня стрелял? — мужчина тяжело оперся на ее руку, но продолжал оставаться на удивление спокойным.

— Это спирт? Да, — опомнилась она, услышав гулкий топот в переулке и трели полицейских свистков. — Высокий, сутулый, лица я не разглядела.

— Я тоже, — мужчина по-прежнему говорил с трудом, дышал с хрипом, — а жаль, удавил бы гада!

— Есть за что, — согласилась Натали. — Вы в своем праве.

— То-то же! — полковник закашлялся.

— Кто стрелял? — крикнул, подбегая, крепкого сложения городской со старорежимной шашкой на поясе. Сабля то и дело била его на бегу по ногам, но ловкий парень умудрялся придерживать ее, не снижая темпа. — Вы ранены, сударь? Вам нужна помощь?

Слова прозвучали, и волшебство момента исчезло, спугнутое появлением посторонних людей. Или это время, выбитое из колеи ее выстрелом, вернулось на пути своя? Ночь уже не казалась волшебной, а город — покинутым. Небо заволокли тучи, отрезав землю от колдовского сияния луны. Стало холодно и знобко. От черной студеной воды начал подниматься пар. И тишину разбили вдребезги тысячи разнообразных звуков: рокот мотора, охающие вопли сирены кареты скорой помощи, крики, оклики, стук каблуков, свитки, ругань и приказы, одышливое дыхание...

— Вы ранены? — сунулся к Кейну городской.

— Никак нет.

— Но это же кровь! У вас все пальто в крови!

— Это коньяк!

— Какой коньяк?